

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Э.В. Георгиевский*

ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Аннотация. *Институт совершения преступления несколькими лицами в древнерусском уголовном праве возникает и формируется постепенно, но не изолированно от подобных же уголовно-правовых институтов ближайших славянских и европейских соседей. Наряду с постепенным законодательным оформлением института соучастия происходит накопление и осмысление судебной практики данного юридического явления, вырабатываются способы уголовно-правового реагирования на групповое совершение преступлений. Причем, вполне очевидно, что появление института совместного участия в совершении преступления нескольких лиц могло быть основано на реализации древнеславянской мифологической оппозиции: «один участник — много участников», что было свойственно мировосприятию древнего человека. Отсюда же и специфические особенности дифференциации уголовной ответственности, выражающиеся в ее усилении по отношению к институту соучастия в уголовном праве Древней Руси. Такое усиление носило специфический характер, преломлялось сквозь призму отношения к групповому преступлению потерпевшего лица. Чем больше лиц участвовало в совершении группового преступления, тем более тяжелой считалась обида, причиняемая потерпевшему. Каждый из участников совершенного преступления платил одинаковый с другими штраф, причем, как правило, этот штраф был равен размеру штрафа в случае совершения преступления в одиночку.*

Ключевые слова: *юриспруденция, соучастие, обида, сообщники, коликко, дружне, умычники, толочане, оппозиция, гривна.*

Участие нескольких лиц в совершении преступления, на наш взгляд, имело в древнерусском уголовном праве свои особенности. Во многом они были, безусловно, связаны с отношением древнерусского человека к самому понятию преступного деяния и наказанию за него, как основополагающим категориям. Центр тяжести понятия древнейшего преступления всегда лежал не в отношении к нему преступника, «а в отношении к нему лица потерпевшего»¹.

Понимание на первоначальных этапах развития древнерусского уголовного законодательства преступления, в большей степени, как причинения вреда частному лицу, а наказания, как обязательного возмещения этого вреда, привело к тому, что в первых законодательных памятниках — Договорах Руси и Византии и Русской Правде, все соучастники отвечали так, как если бы каждый из них совершил это преступление в отдельности. На эту особенность обратил внимание Н.А. Максимейко, писавший по этому поводу: «Уголовная ответственность не делится по частям между сообщниками кра-

¹ См.: Гальперин С.Д. Очерки первобытного права. СПб., 1893. С. 113.

© Георгиевский Эдуард Викторович

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Юридического института Иркутского государственного университета
[georgcrime@yandex.ru]

г. Иркутск, м-рн Университетский, ул. Улан-Баторская, 10.

жи, но падает на каждого из них в полном объеме; каждый из них, сколько бы их ни было, уплачивает такой штраф, какой бы следовал с него, если бы он один совершил кражу; другими словами: сколько соучастников, столько и преступлений, отдельно наказуемых»². Причем, проводя аналогию постановлений о соучастии в древнерусском праве с правом римским, исследователь замечает, что чем больше было соучастников (очевидно, в виде соисполнителей), тем более тяжелой признавалась обида, а обид было столько, сколько было оскорбителей³.

Таким образом, участие нескольких лиц в совершении преступления предполагало два аспекта дифференциации уголовной ответственности. Во-первых, каждый из соучастников отвечал как за отдельно совершенное преступление в абсолютно равной мере по отношению к другим соучастникам. Во-вторых, увеличение количества участников приводило к усилению тяжести совершенного преступного деяния в глазах потерпевшего и общества.

Очевидно, впервые о соучастии в совершении преступления законодательно говорится уже в договорах Руси и Византии. В статье седьмой Договора 911 г., возможно, упоминается о соучастии в совершении преступления («дружне») ⁴.

Однако наиболее обстоятельно институт соучастия получает свою разработку в различных редакциях Русской Правды. Статья тридцать первая Краткой редакции Русской Правды гласит: «А иже крадеть любо кон(ь), любо волю, или клеть, да аще будеть един крал, то гривну и тридесят резан платити ему; или их будеть 18, то по три гривне и по 30 резан платити мужеву»⁵.

Большинство современных исследователей именно с данной статьи начинают отсчет развития института соучастия⁶. Хотя, как совершенно справедливо отмечает Л.М. Прокументов, каких-либо существенных признаков данного института Русская Правда не указыва-

ет⁷. Более того, упоминание о совершении преступления несколькими лицами не приводит к выработке и самого понятия соучастия, что также представляется вполне естественным для уровня законодательной техники данного периода времени. Тем не менее, как справедливо замечают некоторые исследователи, это «нисколько не умаляет того факта, что данные положения «Русской правды» явились первым и значительным шагом в развитии института соучастия»⁸.

Комментируя статью тридцать первую Краткой редакции, Т.Е. Новицкая отмечает неточность в указании размеров штрафа. Согласно мнению ученой, штраф за совершение преступления одним лицом в одну гривну и тридцать резан является ошибкой, и на самом деле он должен быть равен трем гривнам и тридцати резанам⁹. Здесь, очевидно, Т.Е. Новицкая солидаризуется с точками зрения А.А. Зимина и Г.Е. Кочина, полагававших, что текст статьи испорчен вследствие «описки переписчика»¹⁰. И действительно, основанием для таких утверждений является тот факт, что в статье сорок первой Пространной редакции Русской Правды подобная же норма предполагает равный штраф в три гривны и тридцать кун как для лица, совершившего хищение в одиночку, так и для всех тех, кто совершил хищение в соучастии¹¹. А невнимательность позднейших переписчиков и редакторов действительно являлась одной из основных причин искажения нормативного текста древних законодательных памятников.

Однако если все-таки предположить, что на каком-то этапе развития древнерусского уголовного права ответственность лиц, совместно совершающих преступление, была все-таки серьезнее, чем ответственность лица, совершающего то же самое преступление в одиночку, то, наверное, в этом не было чего-то невероятного. Если все-таки считать, что в испорченном месте текста статьи не было цифры «три», и штраф за совершение преступления одним лицом был равен одной гривне и тридцати резанам, то это значит, что ответственность за групповое преступление была почти в три раза выше. Диспозиция статьи совершен-

² Максимейко Н.А. Опыт критического исследования Русской Правды. Вып. 1. Краткая редакция. Харьков, 1914. С. 184.

³ Там же. С. 186.

⁴ См.: Памятники русского права: в 8 вып. / под ред. С.В. Юшкова. М., 1952. Вып. 1: Памятники права Киевского государства. X–XII вв. С. 8.

⁵ См.: Российское законодательство X–XX вв.: тексты и коммент: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984. Т. 1. Законодательство Древней Руси. С. 48.

⁶ См., напр.: Иванов Н.Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. Саратов, 1991. С. 7; Прокументов Л.М. Групповое преступление: вопросы теории и практики. Томск, 2010. С. 46.

⁷ Прокументов Л.М. Указ. соч. С. 47.

⁸ См., напр.: Кушнир Д.Н. Развитие института соучастия в виде пособничества в России: от «Русской правды» до современного Уголовного кодекса // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 1 (18). С. 214.

⁹ См.: Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. С. 61; См.: Правда Русская: учеб. пособие / отв. ред. Б.Д. Греков. М.; Л., 1940. С. 52.

¹⁰ См.: Памятники русского права. Вып. 1. С. 100–101.

¹¹ См.: Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. С. 67.

но очевидно состоит из двух частей и часть первая, являясь основным составом, предполагает штраф именно в одну гривну и тридцать резан за совершение преступления одним лицом. Вторая часть статьи, являясь квалифицированной, совершенно логично предполагает повышенную уголовную ответственность соисполнителей преступления (другие виды соучастников не выделяются) абсолютно в равной степени по три гривны и тридцать резан. Подтверждением этой равной ответственности, на наш взгляд, служат положения статьи сороковой все той же Краткой редакции, где законодатель очень четко подчеркивает характер общественной опасности группового преступления не количеством и качеством похищенного (то есть характеристикой предмета посягательства), а количеством лиц, участвующих в совершении преступления. Так, в частности, статья сороковая гласит: «...а их будет 10 одну овцу украде...»¹². Данную фразу А.А. Зимин переводит следующим образом «притом одну овцу украли 10 человек»¹³.

Очень интересное предположение о взаимосвязи цифры в десять человек, участвующих в преступлении и размера виры высказывает А.С. Орешников. Штраф в три гривны и тридцать резан, по мнению исследователя, действительно представляется несколько странным при существующей устойчивой вире в три гривны и, возможно, относится к особой системе штрафов, назначаемых за преступления, совершенные в соучастии. Однако, если умножить три гривны и тридцать резан на количество в десять человек, получится тридцать шесть резан. По мнению исследователя, десять человек, таким образом, это не реальный казус, вошедший в законодательство в виде судебного прецедента, а условное указание на предельную сумму штрафа, который в принципе не должен превышать сорока гривен¹⁴.

Указание на точное количество лиц, участвовавших в совершении преступления, по мнению Н.И. Ланге, является своеобразным («безискусным») приемом древнерусского законодателя, которому еще не известны логические приемы обобщения¹⁵. Однако, равенство в назначении наказания, по мысли М.Ф. Владимирского-Буданова, свидетельствует о том, что древнерусский законодатель уже не смотрит на преступление, как на вред, причиненный

только частному лицу. В противном случае для удовлетворения этого частного лица размер штрафа должен был бы делиться в равной степени на всех соучастников. Именно поэтому такой штраф уже носит уголовный характер, независимый от частного вознаграждения¹⁶.

И действительно, если внимательно рассмотреть тот самый «противный случай», о котором упоминает исследователь, то получится, что деление штрафа в равной степени между всеми участниками приведет с неизбежностью к уменьшению штрафа на каждого из них, в зависимости от увеличения общего количества участников преступления, а значит и к ослаблению индивидуальной уголовной ответственности, выраженной материально. Однако мы полагаем, что и оценку потерпевшим посягательства в этот период времени со счетов сбрасывать еще рано.

Пространная редакция Русской Правды в статьях с сорок первой по сорок третью продолжает формирование института совершения преступления несколькими лицами («будет ли их много», «то колико их будет крало») ¹⁷. И здесь уже более чем очевидно использование обобщения. Таким образом, и в более поздний период продолжает проследиваться традиция абсолютно равной ответственности всех соучастников преступления, независимо от их вида и степени участия в совершении преступления¹⁸. Согласно точке зрения А. Богдановского, это вполне естественно для древнего права, которое наказывает всех в равной степени, «не обращая никакого внимания на то, как кто совершил этот вред и насколько он хотел этого»¹⁹. Среди видов соучастников уже в достаточной степени выделяются не только исполнители, но и подстрекатели²⁰.

А.С. Орешников отмечает, что статьи, в которых говорится о групповых посягательствах на собственность, вполне могли бы быть объединены в едином Уставе специфическим и уникальным подходом кодификаторов. В этих статьях, по мнению исследователя, очень четко реализуется принцип противопоставления индивидуальных

¹² См.: Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. С. 48.

¹³ См.: Памятники русского права. Вып. 1. С. 84.

¹⁴ Орешников А.С. К истории текста Русской Правды // Восточная Европа в древности и средневековье: Сборник статей. М., 1978. С. 154–155.

¹⁵ Ланге Н.И. Исследование об уголовном праве Русской Правды. СПб., 1860. С. 22.

¹⁶ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-н/Д, 1995. С. 314.

¹⁷ См.: Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. С. 67.

¹⁸ Винодольский устав в статье шестьдесят второй также не делает различия между «главным зачинщиком и простыми участниками» (Леонтович Ф. Древнее хорватско-далматское законодательство // Записки Императорского Новороссийского университета. Год второй. Том 1. Вып. 3 и 4. Одесса, 1868. С. 27).

¹⁹ Богдановский А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М., 1857. С. 128.

²⁰ См.: Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 483.

и групповых преступлений против собственности. Об этом, в частности, свидетельствует повторяемость синтаксических конструкций, основу которых составляет сложно-подчиненное с условным придаточным союзным, за которым непосредственно следует сложно-подчиненное с условным придаточным, начинающееся с глагола «будет». Количество статей в двух редакциях Русской Правды, в которых употребляются эти синтаксические конструкции, дали, А.С. Орешникову основание утверждать о наличии тенденции к оформлению синтаксического стереотипа²¹. Кроме того, А.С. Орешников отмечает наличие мифологической оппозиции «один — много». Мы полагаем, что наличие подобного мифопоэтического противопоставления вполне могло привести к появлению в древнерусском праве соответствующих положений о групповых преступлениях.

Интересной представляется и статья сто двадцать первая Пространной редакции, в которой, наряду с соучастием, речь идет и об институте прикосновенности к преступлению, выразившемуся в форме укрывательства («... но оже будут с ним крали и хоронили»)²². Кроме того, институт укрывательства, по мнению, например, И.Я. Фроянова, вообще появляется в Древнейшей Правде, где речь идет об определении совершенно специфического разряда укрывателей — варягов и колябгов²³.

М.Ф. Владимирский-Буданов полагает, что Русская Правда уже знает такую форму соучастия, как преступное сообщество, поэтому и карает каждого преступника, входящего в него, в равной мере, а кроме того пособничество и институт прикосновенности²⁴. А. Чебышев-Дмитриев также полагает, что из всех видов «преступного сообщничества» Русская Правда знает лишь соучастников и укрывателей. А вот покупка краденной вещи, по мнению ученого, стоит на рубеже между преступлением и гражданским правонарушением²⁵.

Институт соучастия в древнерусском уголовном праве для своего времени был развит достаточно обстоятельно, чего, например, нельзя сказать о Правде Помезании. В ней, согласно точке зрения В.Т. Пашуто, закон еще не придерживался каких-либо определенных принципов в отноше-

нии института соучастия²⁶. Эта неопределенность, по мнению исследователя, выражается в том, что в статьях о групповом совершении преступления, которые все-таки были в Помезанской Правде, тем не менее, ответственность соучастников не предполагала повышенной меры наказания. Каждый платил, как если бы совершил преступление в одиночку²⁷. Однако, несмотря на это, Помезанская Правда выделяла, например, содействие совершению преступления²⁸. Предусматривался в Помезанской Правде и институт прикосновенности к преступлению в форме укрывательства. По мнению В.Т. Пашуто, ситуация с укрывательством преступников в древней Помезании достигла таких ужасающих размеров, что в текст Правды поместили специальную статью шестьдесят семь «О преступнике», в соответствии с которой приютивший преступника и не знавший об этом, не подлежал уголовной ответственности²⁹.

Не очень определенные постановления о подстрекательстве и попустительстве содержала Польская Правда. Подстрекатель рассматривался как лицо «приводящее преступника» и наказывался менее строго, нежели исполнитель³⁰. Предусматривает подстрекательство, совершенное путем подкупа, двадцать восьмой титул Салической Правды. Штраф за такого рода соучастие в совершении преступления был достаточно внушительным и составлял шестьдесят три солида³¹. Помимо подстрекателя, как одного из видов соучастников в преступлении, Салическая Правда формулирует одну из форм соучастия, выделяемую применительно к убийству — скопище, однако каких-либо внятных определений скопища и особенностей уголовной ответственности при такой форме соучастия не дает. Правда сумма штрафа за убийство свободного, состоявшего на королевской службе, скопищем, составляла тысячу восемьсот солидов. Это в три раза было больше штрафа за убийство лица, состоявшего на королевской службе, совершенного в одиночку³².

Упоминание о прикосновенности к преступлению и некоторых формах соучастия содержится и в Правде уэссекского короля Инэ 690 г.

²¹ Орешников А.С. К истории текста Русской Правды. С. 152.

²² См.: Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. С. 73.

²³ Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб., 1996. С. 140.

²⁴ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. С. 314–315.

²⁵ Чебышев-Дмитриев А. О преступном действии по русскому допетровскому праву. Казань, 1862. С. 88.

²⁶ Пашуто В.Т. Помезания. «Помезанская Правда» как исторический источник изучения общественного и политического строя Помезании XIII–XIV вв. М., 1955. С. 84.

²⁷ Там же. С. 86, 99.

²⁸ Там же. С. 104.

²⁹ Там же. С. 70.

³⁰ См.: Винавер М. Исследование памятника польского обычного права XIII в., написанного на немецком языке // Варшавские университетские известия. 1888. № 1. С. 164–166.

³¹ См.: Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. акад. В.М. Корсакова. М., 1961. С. 14.

³² Там же. С. 18.

В статьях семь и семь со значком один и два говорится об ответственности членов семьи вора, знавших о совершении преступления, а также устанавливается возраст в десять лет для мальчиков, совершивших укрывательство. А в статье семнадцать со значком один устанавливаются три возможные формы соучастия. Простая — до семи человек, толпа (шайка) — от семи до тридцати пяти человек, военное нашествие — свыше тридцати пяти человек³³. А вот «Саксонское Зерцало» XIII в. уже карало за укрывательство смертной казнью в виде отрубания головы³⁴.

Вполне уместно, на наш взгляд, сказать и о появлении некоторых общих контуров института соучастия в церковно-уголовном праве. Так, статья вторая Краткой редакции Устава князя Ярослава о церковных судах предполагает, что соучастникам похищения женщины («умычникам», «умычнице») необходимо заплатить штраф епископу в размере одной гривны серебра³⁵. Кроме того, умычники обязаны были ответить и перед князем, который мог их казнить. Оставляя в стороне особенности княжеско-епископской совместной юрисдикции, мы хотели бы отметить, что штраф самого исполнителя похищения в отношении потерпевшей, в зависимости от ее происхождения, а также епископу был несравнимо большим. «Похищение «девки», — пишет И.Я. Фроянов, — бывало, как правило, компанейским предприятием, в котором участвовали товарищи похитителя, именуемые в уставе «умычниками»³⁶. В.И. Сергеевич делает существенное уточнение о том, что умычники не являлись главными виновниками, а были только лишь «суть пособники»³⁷. Хотя необходимо уточнить, что с точки зрения современного уголовного права такие действия будут признаваться соисполнительством.

А вот статья вторая Пространной редакции Устава князя Ярослава, при примерно том же содержании, предполагает выплату умычниками митрополиту по шестьдесят неопределенных денежных единиц, что дало основание исследователям предполагать, что этими единицами могли являться и куны, и резаны, и, возможно, даже гривны, как части рубля, упоминаемого в Уставе³⁸. Определенную ясность в размеры штрафов, которые в разных списках и редакциях Устава князя Ярослава выражаются в разных денежных единицах, вносит Я.Н. Шапов, проводивший специальное исследование в этой области.

Согласно точке зрения исследователя, в тех списках, где рядом с цифрой шестьдесят нет никаких иных слов, обозначающих денежную единицу, под ней нужно понимать именно резан. И такая ставка в шестьдесят резан современна Краткой редакции Русской Правды³⁹. Там же, где штрафная ставка определяется в рублях, нужно видеть «более раннюю ставку в гривне серебра»⁴⁰.

Статья седьмая Краткой редакции Устава князя Ярослава (Основной извод Пространной редакции подобной нормы не содержал) предусматривает ответственность за групповое изнасилование («аже девку умолвить к себе кто и дасть в толоку») ⁴¹. Именно так толкует термин «толока» Н.А. Семидеркин. В.И. Даль определяет «толоку» только как сбор населения, термин, родственные терминам толкотня (давка) и толпа⁴². Однако дальнейшее толкование нормы действительно позволяет предположить, что «толока» в уставе это изнасилование и изнасилование групповое. Санкция статьи седьмой карает и самого «умолчника» трехгривенным штрафом в пользу епископа и «толочан» как соисполнителей или соучастников преступления штрафом в размере одного рубля на каждого. Потерпевшая также получала выплату за сором в размере трех гривен серебра.

Предусматривало церковно-уголовное право Древней Руси и виды соучастников, таких, например, как подстрекатель или даже организатор. Именно так следует толковать, на наш взгляд, статью пятьдесят третью Пространной редакции Устава князя Ярослава. В данном нормативном предписании среди причин (вин), по которым мог быть осуществлен законный развод мужа с женой, указывается, в частности, на попытку жены с помощью кого-либо совершить убийство мужа или совершить у него кражу с помощью иных лиц («наведеть тати»), велел последним украсть («велить покрасти») ⁴³.

А, кроме того, в этой же статье можно усмотреть и некоторые черты института прикосновенности к преступлению, который выражался, в большей степени, в форме недонесения⁴⁴.

³⁹ Шапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972. С. 276.

⁴⁰ Шапов Я.Н. Указ. соч. С. 277.

⁴¹ См.: Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. С. 168.

⁴² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: третье, исправленное и значительно дополненное издание / под ред. проф. И.А. Бодуэна-де-Куртэна. Т. 4. С–V. М., 1909. С. 784–786.

⁴³ См.: Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. С. 192.

⁴⁴ Некоторые исследователи обращают внимание на данный факт в своих работах (см., например: Косякова Н.С. Возникновение и развитие в российском уголовном праве института прикосновенности к преступлению (дооктябрьский период) // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3. С. 120).

³³ Там же. С. 67.

³⁴ Там же. С. 364.

³⁵ Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. С. 168.

³⁶ Фроянов И.Я. Начало христианства на Руси. С. 111.

³⁷ Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. М., 2004. С. 322.

³⁸ См.: Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. С. 194–195; См.: Памятники русского права. Вып. 1. С. 281.

Поводом к разводу было несообщение мужу о преступных (возможно, оскорбительных) словах, сказанных в адрес царя или князя⁴⁵.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить основные моменты, характерные для института соучастия в древнерусском уголовном праве. Во-первых, это различное нормативное закрепление основных положений соучастия в светском (Русская Правда) и в церковном (Устав князя Ярослава) законодательстве. Во-вторых, непосредственно вытекающие из такого различного закрепления особенности уголовной ответственности соучастников. В светском законодательстве все соучастники отвечают в равной мере, хотя, возможно, что совершение преступления в соучастии в три раза карается строже, чем совершение подобного же преступления в одиночку. В церковном уголовном праве соучастники отвечают различным образом. Среди всех видов соучастников выделяются «главные зачинщики», ответственность которых в два, а порой и в три раза, больше остальных. Эти лица (организаторы или подстрекатели по современной терминологии) сочетают в себе также функции соисполнителя.

Чем же обусловлена такая разница в дифференциации уголовной ответственности? Очевидно, ответ лежит в плоскости двух основных моментов. Влияние на формирование отечественных церковно-правовых норм византийского законодательства и разница в характеристике объектов преступных посягательств. Русская Правда формулирует институт соучастия применительно к формам хищений, церковно-уголовное право в отношении личности, а конкретнее — женщины. Возможно, что в случаях посягательств на собственность свет-

скому законодателю безразлично, как будет поделен предмет хищения между соучастниками, вполне вероятно, что поровну. Отсюда равная ответственность, проистекающая из практической ненадобности выискивать главных зачинщиков. Неделимость «предмета» при умыкании и групповом изнасиловании вполне вероятно приводила к необходимости определять, а значит и серьезнее наказывать того, кто являлся инициатором похищения женщины, жизнь, здоровье, честь и достоинство которой церковь считала одним из основных объектов уголовно-правовой охраны. В целом, по сравнению с Русской Правдой, это был, безусловно, шаг вперед в формировании института соучастия в древнерусском уголовном праве.

Институт совершения преступления несколькими лицами в древнерусском уголовном праве возникает и формируется постепенно, но не изолированно от подобных же уголовно-правовых институтов ближайших европейских соседей. Наряду с постепенным законодательным оформлением происходит накопление и осмысление судебной практики данного юридического явления, вырабатываются способы уголовно-правового реагирования на подобные проявления. Причем, вполне очевидно, что появление института совместного участия в совершении преступления нескольких лиц могло быть основано на реализации древнеславянской мифопоэтической оппозиции: «один участник — много участников», что было свойственно мировосприятию древнего человека. Отсюда же и специфические особенности дифференциации уголовной ответственности, выражающиеся в ее усилении по отношению к институту соучастия в уголовном праве Древней Руси.

Библиография:

1. Богдановский А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. — М.: В тип. Каткова, 1857. — 145 с.
2. Винавер М. Исследование памятника польского обычного права XIII века, написанного на немецком языке // Варшавские университетские известия. — 1888. — № 1. — С. 1–254.
3. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. — Ростов-н/Д: Изд-во Феникс, 1995. — 640 с.
4. Гальперин С.Д. Очерки первобытного права. — СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1893. — 299 с.
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: третье, исправленное и значительно дополненное издание / под ред. проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 4. С — V. — М.: Издание т-ва М. О. Вольф, 1909. — 1619 с, XIV с., XII с.
6. Иванов Н. Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. — 272 с.
7. Косякова Н.С. Возникновение и развитие в российском уголовном праве института прикосновенности к преступлению (дооктябрьский период) // Ленинградский юридический журнал. — 2010. — № 3. — С. 118–141.

⁴⁵ См.: Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. С. 192.

8. Кушнир Д.Н. Развитие института соучастия в виде пособничества в России: от «Русской правды» до современного Уголовного кодекса // Вестник Владимирского юридического института. — 2011. — № 1 (18). — С. 214–217.
9. Ланге Н.И. Исследование об уголовном праве Русской Правды. — СПб.: В тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1860. — 290 с.
10. Леонтович Ф. Древнее хорвато-далматское законодательство // Записки Императорского Новороссийского университета. Год второй. Том 1. Вып. 3 и 4. — Одесса: Тип. Л. Нитче, 1868. — XII с., 155 с.
11. Максимейко Н.А. Опыт критического исследования Русской Правды. Вып. 1. Краткая редакция. — Харьков: Тип. и литография М. Зильберберг и сыновья, 1914. — 217 с.
12. Орешников А.С. К истории текста Русской Правды // Восточная Европа в древности и средневековье: Сборник статей / Ред. колл. — М.А. Коростовцев, А.Л. Нарочницкий, М.В. Нечкина и др. — М.: Наука, 1978. — С. 151–155.
13. Памятники русского права: в 8 вып. / под ред. С.В. Юшкова. — М.: Госюриздат, 1952. — Вып. 1: Памятники права Киевского государства. X–XII вв. — 287 с.
14. Пашуто В.Т. Помезания. «Помезанская Правда» как исторический источник изучения общественного и политического строя Помезании XIII–XIV вв. — М.: Изд-во Акад. наук СССР 1955. — 184 с.
15. Правда Русская: учеб. пособие / отв. ред. Б.Д. Греков. — М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. — 112 с.
16. Прозументов Л.М. Групповое преступление: вопросы теории и практики. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. — 164 с.
17. Российское законодательство X–XX веков: тексты и коммент: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. — М.: Юрид. лит., 1984. — Т. 1. Законодательство Древней Руси. — 430 с.
18. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. — М.: Зерцало, 2004. — 488 с.
19. Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. — 512 с.
20. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. акад. В.М. Корецкого. — М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1961. — 950 с.
21. Чебышев-Дмитриев А. О преступном действии по русскому допетровскому праву. — Казань: В тип. Император. ун-та, 1862. — 242 с.
22. Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. — М.: Изд-во «Наука», 1972. — 338 с.
23. Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. — М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1949. — 546 с.

References (transliteration):

1. Bogdanovskiy A. Razvitie ponyatiy o prestuplenii i nakazanii v russkom prave do Petra Velikogo. — М.: V tip. Katkova, 1857. — 145 s.
2. Vinaver M. Issledovanie pamyatnika pol'skogo obychnogo prava XIII veka, napisannogo na nemetskom yazyke // Varshavskie universitetskie izvestiya. — 1888. — № 1. — S. 1–254.
3. Vladimirskiy-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava. — Rostov-n/D: Izd-vo Feniks, 1995. — 640 s.
4. Gal'perin S.D. Ocherki pervobytnogo prava. — SPb.: Tip. P.P. Soykina, 1893. — 299 s.
5. Dal' V. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: tret'e, ispravlennoe i znachitel'no dopolnennoe izdanie / Pod red. prof. I. A. Boduena-de-Kurtene. T. 4. C–V. — М.: Izdanie t-va M.O. Vol'f, 1909. — 1619 s, XIV s., XII s.
6. Ivanov N.G. Ponyatie i formy souchastiya v sovetskom ugovnom prave / N.G. Ivanov. — Saratov: Izd-vo Sarat. un-та, 1991. — 272 s.
7. Kosyakova N.S. Vozniknovenie i razvitie v rossiyskom ugovnom prave instituta prikosnovennosti k prestupleniyu (dooktyabr'skiy period) // Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2010. — № 3. — S. 118–141.
8. Kushnir D. N. Razvitie instituta souchastiya v vide posobnichestva v Rossii: ot «Russkoy pravdy» do sovremennogo Ugovnogo kodeksa // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. — 2011. — № 1 (18). — S. 214–217.
9. Lange N.I. Issledovanie ob ugovnom prave Russkoy Pravdy. — SPb.: V tip. II Otd. Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1860. — 290 s.
10. Leontovich F. Drevnee khorvato-dalmatskoe zakonodatel'stvo // Zapiski Imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta. God vtoroy. Tom 1. Vyp. 3 i 4. — Odessa: Tip. L. Nitche, 1868. — XII с., 155 s.

11. Maksimeyko N.A. Opyt kriticheskogo issledovaniya Russkoy Pravdy. Vyp. 1. Kratkaya redaktsiya. — Khar'kov: Tip. i litografiya M. Zil'berberg i synov'ya, 1914. — 217 s.
12. Oreshnikov A.S. K istorii teksta Russkoy Pravdy // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednekvov'e: Sbornik statey / Red. koll. M.A. Korostovtsev, A.L. Narochitskiy, M.V. Nechkina i dr. — M.: Nauka, 1978. — S. 151–155.
13. Pamyatniki russkogo prava: v 8 vyp. / Pod red. S.V. Yushkova. — M.: Gosyurizdat, 1952. — Vyp. 1: Pamyatniki prava Kievskogo gosudarstva. X–XII vv. — 287 s.
14. Pashuto V.T. Pomezaniya. «Pomezanskaya Pravda» kak istoricheskiy istochnik izucheniya obshchestvennogo i politicheskogo stroya Pomezanii XIII–XIV vv. — M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR 1955. — 184 s.
15. Pravda Russkaya: uchebnoe posobie / Otv. red. B.D. Grekov. — M.; L.: Izd-vo akad. nauk SSSR, 1940. — 112 s.
16. Prozumentov L.M. Gruppovoe prestuplenie: voprosy teorii i praktiki. — Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2010. — 164 s.
17. Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: teksty i komment. v 9 t. / Pod obshch. red. O.I. Chistyakova. — M.: Yurid. lit., 1984. — T. 1. Zakonodatel'stvo Drevney Rusi. — 430 s.
18. Sergeevich V.I. Lektsii i issledovaniya po drevney istorii russkogo prava / pod red. i s predisl. V.A. Tomsinova. — M.: Zertsalo, 2004. — 488 s.
19. Froyanov I.Ya. Rabstvo i dannichestvo u vostochnykh slavyan. — SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1996. — 512 s.
20. Khrestomatiya pamyatnikov feodal'nogo gosudarstva i prava stran Evropy / Pod red. akad. V.M. Koretskogo. — M.: Gos. izd-vo yurid. lit., 1961. — 950 s.
21. Chebyshev-Dmitriev A. O prestupnom deystvii po russkomu dopetrovskomu pravu / A. Chebyshev-Dmitriev. — Kazan': V tip. Imperator. un-ta, 1862. — 242 s.
22. Shchapov Ya.N. Knyazheskie ustavy i tserkov' v Drevney Rusi XI–XIV vv. / Ya.N. Shchapov. — M.: Izd-vo «Nauka», 1972. — 338 s.
23. Yushkov S.V. Obshchestvenno-politicheskiy stroy i pravo Kievskogo gosudarstva. — M.: Gos. izd-vo yurid. lit., 1949. — 546 s.

Материал получен редакцией 14 февраля 2013 г.